

на благо иным мужьям (понеже следом за пиром идет похмелье) и на радость их женам, ибо, как говорит мой сосед Жеребчик: «Да будет проклята кошка, ежели она, увидев, что горшок без крышки, не сунет в него лапу, а посему пусть тот, кто не знает своего дела, прикроет лавочку и убирается ко всем чертям».

– Клянусь честью, – вмешался Паскье, – старинный этот обычай достоин похвалы, но ведь все в мире меняется, и я всегда думал, что долго он не продержится.

– И я был того же мнения, – сказал Ансельм. – На наших глазах даже самые лучшие обычаи вырождаются. Вот вы тут сейчас толковали, какие прежде были кровати. Ну а скажите, как по вашему разумению: люди и прежде вели себя в делах любви так, как нынче?

– Ни в коем разе, – вступил в разговор Любен, – уж это я по себе знаю. Ведь когда меня собирались женить на вашей племяннице, мне уже было лет тридцать пять или около того, а я еще ни за кем сроду не волочился и даже не понимал, как за это приняться, спасибо, покойная бабка (да ниспошлет господь мир ее душе!) растолковала мне, что к чему. А теперь, сами посудите, можно ли нынче встретить такого молодого парня, что за пятнадцать лет ни разу бы не сталкивался со столь приятными вещами, как мягкий шанкр, перелой²⁷⁰ либо дурная болезнь, или же такого, что еще женщин не знал? Вот и причина, почему нынешние дети против прежних карликами кажутся. Что? Да ныне, коли молодцу восемнадцать сравнялось, а он не увивается за дамами, не обхаживает девиц, не наряжается да не любезничает, его все кругом осуждают; и приходится ему волей-неволей поступать, как поступают все прочие олухи, делаться их товарищем по несчастью, ежели он не хочет прослыть чудачком, юродивым, безмозглым упрямцем, недотепой.

Тут заговорил метр Юге и сказал, что теперь, коли верить молве, мужчину и мужчиной-то не считают, а уж тем более человеком любезным и обходительным, ежели он мало беседует и совсем не знает с женщинами, а вот, дескать, в старину трудно было встретить такого молодца, чтоб понимал толк в вещах, какими ныне кичатся и каким непременно следуют.

– Вы тут, – продолжал он, – толковали о любви, с я вам расскажу, как прежде бывало: эдакий хват, разряженный по тогдашней моде, – в пестрой рубахе, в красивом пурпурном кафтане, ладно скроенном и расшитом зелеными нитками, в небольшом красном колпаке или, наоборот, в широкополой шляпе, на коей красовался затейливый букетик, в узких штанах до колен и открытых башмаках, перетянутый цветным кушаком с кистями чуть не до пят, – эдакий галантный кавалер, говорю я, постукивал ногой о сундук и лениво любезничал с Жанной там или с Марго, а потом, убедившись, что их никто не видит, вдруг обнимал ее и, не молвя худого слова, валил на скамью, а уж об остальном сами догадаетесь. Сделав свое дело и даже ухом не поведя, он тут же и откланивался, правда, перед тем преподносил даме букет цветов, в те поры это служило высшим знаком благодарности и свидетельством любви; нет, я, конечно, не говорю, что красotka не приняла бы в дар ленту или там шерстяной платок, да только весьма неохотно, ибо это ее уже связывало. Вы, нынешние повесы, вроде бы понимаете толк в любви и сделали волокитство своим ремеслом, вот и скажите, беретесь ли вы таким способом достичь той возжеленной цели, какую высокопарно именуете благодетельным даром, высшим блаженством, наградой за долгие усилия, пятой ступенью любви, – той цели, какую иные ученые мужи зовут старинной забавой, древним занятием или даже милой и приятной игрой на цимбалах, либо игрою марионеток, разумеется, отнюдь не монашеской? Ан нет, вы без конца рассыпаетесь в любезностях, не скупитесь на клятвы, приходите в отчаяние, тревожитесь, разговариваете сами с собой, точно лунатики, сочиняете вирши, поете на заре серенады, притворяетесь, подаете в церкви святую воду своей даме сердца, выказываете ей различные знаки внимания, меняете наряды, транжирите деньги, заказывая у купцов красивые надписи, подкупаете слуг, дабы те помогли вам в ваших замыслах, затеваете ссоры, стараетесь прослыть отважными, а на самом деле кажетесь храбрецами только среди женщин, а среди воинов слывете дамскими угодниками; зато, когда вам порою удастся поговорить с женщиной наедине, вы, как последние хвастуны, ведете такие речи:

«Эх, любезная моя госпожа, только прикажите, и я, дабы завоевать вашу любовь, шею себе сверну! Но понеже сделать это здесь несколько затруднительно, я, пожалуй, пойду сражаться хотя бы против турок, а уж они известные вояки. Клянусь святым Кене,²⁷¹ милая дама, во время по-

²⁷⁰ *Перелой* – старое название гонореи.

²⁷¹ *Святой Кене*. – В действительности такого католического святого не существовало; возможно, это святой Кенет, чей культ был довольно распространен в Уэльсе и валлийскими переселенцами мог быть занесен в Бретань.